
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГОД 1984-Й И ДАЛЕЕ ПО ВОСХОДЯЩЕЙ...
К 115-летию со дня рождения английского писателя
Джорджа Оруэлла (1903—1950), автора антиутопии «1984»

Мы покорили материю, потому что мы покорили сознание.

Джордж Оруэлл. «1984»

♦ Слабая грамотность интернетовских текстов давно стала притчей во языцех, чего не скажешь об «идеологическом нюхе». Так в перечне литературных памятных дат 2018-го года в рубрике, посвященной Джорджу Оруэллу (это псевдоним; настоящее имя Эрик Блэйр), даны ссылки на «Дни в Бирме», «Скотный двор» и «Дочь священника», но вовсе не упомянут роман «1984», собственно давший писателю всемирную известность. Это как сообщая о юбилейных датах Льва Толстого и Ф. М. Достоевского, «забыть» упомянуть в краткой их библиографии «Войну и мир» и «Братьев Карамазовых», соответственно... Или снова для русского читателя «1984» стал фигурой умолчания, каковой он был в советское время сорок лет — до первого издания в 1989-м году («Прогресс», М., серия «Зарубежная художественная публицистика и документальная проза»)?

Последнее как раз понятно, имея в виду высказывания Оруэлла навроде: *«Ничто так не способствовало искажению исходных социалистических идей, как вера, будто нынешняя Россия (СССР — А.Я.) есть образец социализма, а поэтому любую акцию ее правителей следует воспринимать как должное, если не как пример для подражания. Вот отчего последние десять лет я убежден, что необходимо развеять миф о Советском Союзе, коль скоро мы стремимся возродить социалистическое движение»* (здесь и далее цит. по указанному выше изданию, С. 21).

То есть Оруэлл не вписывался «по своей заграничности» в табуированное правило, хорошо известное советскими писателями и действовавшее со времен «хрущевской оттепели», а именно: если знаток литературной грамоты, то пиши о чем хочешь, по возможности не заикливаясь «ниже пояса», а главное, «не трогая за вымя» партию, правительство и лично <обоих Ильичей>. Впрочем автор предисловия к первому изданию «1984» в СССР, уже цитировавший выше Оруэлла, — ведь на дворе самый пик горбачевщины! — и сам «подмахивает» (термин в его использовании Солженицыным): *«Речь шла, понятно, не о Советском Союзе как таковом, а о сталинской системе. Миф о ней до конца не развеян и сегодня. Книги Оруэлла помогут этой задаче»* (С. 21). Вот так-то: бей себя оружием врага!

Рассуждаем — в отличии от автора предисловия — сугубо логически: если роман Оруэлла есть злобная гипертрофия советского социализма, то почему он стал уже упомянутой фигурой умолчания в СМИ и прочих средствах пропаганды в сегодняшнем нашем отечестве, где эти СМИ и «средства» неуклонно и планомерно гнут линию антисоветизма, а еще паче — антисталинизма? Неувязочка получается, господа-товарищи...

И вовсе Оруэлл, поставив последнюю точку в романе в 1948 году, не советский социализм и Сталина имел в виду, хотя бы и индоктринированный западной пропагандой на первом взлете провозглашенной Уинстоном Черчиллем «холодной войны» (см. высказывание Оруэлла выше). Хотя бы потому, что коммерческий успех, а это важно для европейского писателя, живущего своей профессией, то есть раскупаемый тираж, ориентирован на массового читателя. Авторитет же СССР и лично Сталина в первые послевоенные годы, пока маховик этой пропаганды только набирал еще обороты, в мировых массах, особенно в Европе, был настолько велик и непрекращаем, что трезво мыслящему настоящему англичанину Оруэллу плевать против ветра вряд ли пришлось бы в голову... В том числе и по «рыночным» соображениям.

Нет, уважаемые читатели, эти две посылки, обозначенные в предыдущих двух же абзацах, все по той же непрекращаемой логике объединяются в одно вытекающее из них следствие: роман Оруэлла не есть «сочинение на жареный политический момент», не пресловутая инвектива по части антисоветизма — антисталинизма, но гениальное — не побоимся такого эпитета — предвидение на полстолетия вперед грядущего явления молоха глобализации*; не больше и не меньше. В части таких предвидений заслуженно отдадим должное английской литературе. В определенном смысле Оруэлл — продолжатель традиций своих предшественников в литературном осмыслении социальной эволюции, в первую очередь Джонатана Свифта с его «Путешествиями Гулливера» и «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо. Джек Лондон, американский отпрыск английской литературной традиции, со своей «Железной пятой» и вовсе совсем недалекий по времени предтеча романа «1984», написанного в жанре *антиутопии*.

Что характерно, так то, как по мере движения человечества, его социальной эволюции, во времени к явлению глобализации литературная утопия сдала свои позиции антиутопии: от давшей название жанру «Утопии» Томаса Мора, «Города Солнца» Томмазо Кампанеллы (до пострижения в монахи — Джованни Доменико), социальных фантазий Этьена Кабэ и Жан-Жака Пийо, повести с временем действия, перенесенном на несколько тысячелетий вперед, нашего князя В.Ф. Одоевского, писателя и музыковеда, более известного по своему сборнику классической прозы «Русские ночи», и многих других утопий, не вошедших в первые ряды литературных анналов, — к классике антиутопии, тем же «Железной пяте» и «1984», а в последние 20—30 лет к бесчисленному обилию «тематических фантазий», не всегда, в основе своей, отмеченных тенью муз Каллиопы и Клио. И уже не говорим, соблюдая политкорректность, о их (муз) незаконнорожденных сорванцах в стиле «фэнтази»... К последним (сорванцам) явно можно отнести песенку (частушку по-русски) из «1984» (С. 66):

*Под развесистым каштаном
Продали средь бела дня —
Я тебя, а ты меня.
Под развесистым каштаном
Мы лежим средь бела дня —
Справа ты, а слева я.*

...Догадливый читатель, вне всякого сомнения, уже сообразил: в настоящем очерке роман Оруэлла суть лишь задатчик более широкой темы, в которой современный литературный процесс, причем без акцентации на русский, западно-восточный и пр.,

* Автор этого очерка однозначно связывает две главнейшие современные тенденции социальной эволюции: переход биосферы в ноосферу и глобализацию, исследованию которых он посвятил свою 15-томную (на сегодняшний день) монографию «Живая материя и феноменология ноосферы»; см. в особенности Т. 12 — «Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма». Тома монографии изданы в Москве, Твере, Туле (разные издательства), в том числе в издательстве УРСС, Москва (см. информацию на сайте URSS.ru. В электронном виде см. по поисковику в Интернете.)

является лишь одной из составляющих — речь пойдет о расчеловечивании социума в уже наступившем периоде социальной эволюции — глобализации. А «1984» всяк волен прочесть: помимо Интернета сохранились еще домашние и публичные библиотеки... Словом, «год 1984-й и далее по восходящей». Опять же почти магическое совпадение случайности и реальности. Оруэлл дал роману такое цифровое название не из эпатажной английской оригинальности, но просто потому, что, дописав его, так и не смог дать роману адекватного содержания названия и, ничтоже сумняшеся, поменял местами последние две цифры в годе окончания книги...

В то же время именно 1984-й год, как говорится, плюс-минус год-другой, нынешние самодостаточно, то есть без помощи «Старшего Брата, что смотрит на тебя» (из «1984»), то есть телевизора и Интернета, мыслящие люди, аналитики-политологи, не до конца продавшиеся кому надо, и, конечно, Господь Бог, что грустно зрит нас сверху, полагают исходной временной точкой отсчета начала активной фазы глобализации. А фаза эта началась с уничтожения советского социализма в проигранной СССР Третьей мировой («холодной», информационной и пр.) войне. Мигом рухнул и стал на колени перед Западом — Востоком мировой социалистический блок стран. И здесь 1984-й (± см. выше) год действительно знаковый: уже созрел для руководящего разрушения нашей страны «предатель всех времен и народов». — «...И далее по восходящей».

Естественен вопрос, коль скоро в качестве задатчика столь широко понимаемой темы мы выбрали литературное произведение: а с того ли края «к пирогу подходим»? Ответим осознанно утвердительно: пирог-то круглый, а культура и искусство, литература первоочередно, всегда были и есть самой чувствительной лакмусовой бумажкой на процессы социальной эволюции. Со времен наскальных олдувайских пещерных рисунков и охотничьих плясок «У истоков Замбези». И с другой стороны также самоочевидно, что действительна и обратная связь: та же литература в своих предчувствиях нередко чуть вперед забегают в течении эволюции, чему многозначительный пример — антиутопия «1984» Джорджа Оруэлла. Далее от преамбулы к существу.

♦ Говоря о сущности расчеловечивания, опять же начнем с литературного примера. Речь пойдет о... «Яме» Куприна. Читавший ее мигом вспомнит повторяемый в повести сюжетный рефрен: как только главный герой, он же исследователь нравов домов терпимости (это как нынешние пресловутые «журналистские расследования» — кстати, прямое нарушение законов...), заходит в облюбованный им публичный дом, так непременно видит в вестибюльном зале, гостинной гостеприимного заведения пляшущих с проститутками *приказчиков от Керешковского*. Последний, надо полагать, хозяин соседнего крупного магазина. Гипермаркета по-нынешнему. С позиции образованного человека советской эпохи, старшего школьника, студента, интеллигента, читающего рабочего и крестьянина, «приказчик от Керешковского» явно не дотягивал до статуса человека, «звание которого звучит гордо» — по многим градациям: от моральных норм до степени умственно-полезного (для общества) развития.

Теперь перенесемся на сто лет вперед от времени «Ямы» Куприна, то есть в нынешнее наше бытие. И опять посмотрим с позиции человека, сформировавшегося в советский период, на современных «приказчиков», тех же «менеджеров» и «офисных креветок» (другое принятое именование — «офисный планктон»), что густо заселили многочисленные частные, муниципальные и пр. конторы. ...Да и без строгого «с прищуром» советского взгляда эти приказчики, благо сейчас в стране высшее образование стало почти что всеобщим (другое дело — какое?), и сами осознают, что находятся далеко не на магистральном пути эволюции человека. Сами себя с грустной иронией аттестуют на публике: «Да кто мы? — Так себе, менеджеры...»

Но отмеченные недостатки в части высоких человеческих качеств относятся к

разряду, условно говоря, *количественных*. Собственно же грядущее и в контурах своих явно просвечивающее расчеловечивание идет уже по разряду *качественных*, то есть необратимых, невозполнимых в категориях социальной эволюции, движимой согласно трем основным законам диалектики.* В рассматриваемом случае налицо действие закона перехода количества в качество, хотя бы, как с прискорбием отметит современный человек, это и будет качество расчеловечивания. В данном Гегелевом диалектическом законе сам переход количества в новое качество осуществляется в социальной эволюции двумя путями: разбалансом количественных многообразий или сужением этих многообразий. При всей кажущейся антагонистичности оба эти пути «успешно работают» на поставленную разворачивающейся программной матрицей социальной эволюции цель: роботизация человека в структуре человеческого социума, превращенного в *человеиник* — термин нашего выдающегося ученого-логика и социального публициста А. А. Зиновьева. По понятной аналогии с образованиями выражено общественных низших животных: пчельник, муравейник, термитник и пр. ...Отметим, что на авторство термина «расчеловечивание» сейчас претендуют многие. Но ведь не совсем важно, кто первый сказал *Слово*, хотя бы по-библейски оно и было в *Начале*. Существеннее то, опять же обращаясь к Священной книге, что «близ есть при дверях»: и расчеловечивание, и место обитания — *человеиник*...

Перед тем как дать определение категории расчеловечивания, процитируем Оруэлла («1984», С. 51): « — *Одиннадцатое издание — окончательное издание. Мы придаем языку завершенный вид — в этом виде он сохранится, когда ни на чем другом не будут говорить. Когда мы закончим, людям вроде нас придется изучать его сызнова. Вы, вероятно, полагаете, что главная наша работа — придумывать новые слова — десятками, сотнями ежедневно. Если угодно, оставляем от языка скелет. В две тысячи пятидесятом году ни одно слово, включенное в одиннадцатое издание, не будет устаревшим... Главный мусор скопился, конечно, в глаголах и прилагательных, но и среди существительных — сотни и сотни лишних...*»

Опять же очевидное предвидение Оруэлла — наиболее наглядно процесс расчеловечивания отображается на языке. Но ведь язык — это не просто носитель коммуникативных функций в социуме, он же воплощает в себе наиважнейшие для сущности человека функции логического мышления и собственно познания. Здесь *point sur les «i»* (поставить точку над «i», фр.) принадлежит уже упомянутому выше А. А. Зиновьеву: «*Как бы ни определялся предмет логики различными специалистами и направлениями в логике, фактически, ее предметами всегда были и остаются язык как средство познания и само познание, поскольку оно совершается в языке и посредством языка и продукты которого фиксируются в языке*» (цит.: Зиновьев А. А. *Очерки комплексной логики.* — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — С. 18).

То есть, обезличивая язык, упрощая, унифицируя и так далее, мы — вернее, они, глобализаторы! — лишаем его тех качеств, которые поддерживают и развивают в индивидуальном человеческом мышлении логику и собственно познание — доселе стержень эволюции человека, социальной эволюции. Социум неотвратимо приобретает облик *человеиника*, а индивидуальный *homo sapiens* расчеловечивается, опускаясь на ранее эволюционно пройденный уровень: движение вспять.

«Ангсоц — это новояз», — утверждает один из персонажей «1984» Оруэлла. Уже сейчас глобализующееся человечество стремительно отходит от языка как предметной основы логики мышления и собственно познания, и вовлекается в сферу новояза.

* После разрушения СССР (см. выше) и мировой социалистической системы упоминать о философии диалектического материализма в печати и изустно стало некомфортно... Рекомендуется изъясняться в терминах буржуазного неопозитивизма. С водой выплеснули и ребенка, то есть три базовых закона диалектики, на которых и эволюционирует Мироздание, совершенно забыв, что их обосновали не коммунисты Маркс и Энгельс, но... идеалист Гегель.

Опять же, как было отмечено выше, здесь процесс идет по двум путям к единой, общей цели расчеловечивания: путем разбаланса и путем сужения. Типичный пример разбаланса в данной сфере — это своего рода «языковый национализм». Или просто нацизм; кому как нравится. Казалось бы, что предпочтение своего, родного языка как раз усиливает его предметную основу. Но это при условии, сугубо непременно, что этот язык есть творческая доминанта социума, а не назойливое, формальное в основе, выпячивание языка — символа. Символа чего? — Конечно же национальной исключительности. Тот же нацизм... Другой пример разбаланса в устремлении к расчеловечиванию — нарушение извечного принципа сосуществования различных социумов, хорошо (хотя и не политкорректно) выражаемого пословицей: всяк шесток знай свой вершок — существуют иные различия; см. у Даля (можно и поменять местами «шесток» и «вершок»).

Оба варианта языкового разбаланса мы сейчас воочию, в полном блеске и великолепии своей нафуфыренности, наблюдаем на постсоветском пространстве бывшей 1/6 части земной суши. Понятно дело, в первую очередь в нынешних самостийно-независимых странах, до образования СССР *никогда* не имевших своей государственности. Не Малороссия же ее имела, исключая несколько месяцев власти Петлюры? И хотя Прибалтика в перерыве между двумя мировыми войнами два десятка лет числилась в самостоятельных лимитрофах*, но что это за срок в масштабах исторических эпох? Когда в крохотной Латвии, треть с лишком населения которой полагают русский язык родным, последний убирают циркулярно из обращения, это ли не пример второго из названных выше вариантов языкового разбаланса?

А вот первый вид разбаланса во всей своей красоте являет нынешняя Украина. Здесь и говорить что-либо излишне. Все и так на виду и на слуху.

Сужение же — директивное, от управленцев глобализма, выпячивание одного языка, в смысле английского. Но об этом ниже подробнее будем говорить. Сейчас же мы «подобрались» к определению сущности расчеловечивания.

♦ Чтобы квалифицированно говорить о расчеловечивании дадим — по принципу антитезы — пояснения к эволюционному процессу очеловечивания, чем мать-природа доселе, до наступления глобализации, и занималась, создавая высшее свое творение — *homo sapiens*. Благо здесь и доискиваться особо не требуется: все с немецкой (хотя и был австрийцем) аккуратностью и дотошностью «расставил по полочкам» создатель науки этологии**, то есть науки о поведении социальных животных, нобелевский лауреат Конрад Лоренц, на адаптированные к подростковому чтению книги которого в советской школе выстраивалась «записная» очередь в библиотеке...

В эволюции живого мира, венчающейся созданием человека, за исходные раздельные когнитивные (самоосознающиеся) функции Лоренц выделяет: абстрагирующую функцию восприятия, пространственное (временное — добавим мы) ориентирование с центральным представлением пространства (и времени...), любознательное поведение, произвольное движение в сочетании с вызываемым им обратным сообщением и подражание — истоки усвоения словесного языка. В итоге развития и сочетания названных функций и создается системное целое с функцией понятийного мышления. Так эволюция пришла к очеловечиванию (у Лоренца по-немецки *Menschwerdung*).

Соответственно, обратный процесс — расчеловечивание — есть угнетение в (со-

* Так в 20—30-е годы в Европе именовали страны Прибалтики и иногда Финляндию в определяющем групповом контексте — от лат. *limes* — граница, то есть государства «санитарного кордона».

** Заметим, что основу этологии, как системной науки, Лоренц обосновал, находясь в 1944—1948 гг. в советском плену. Этот период жизни выдающегося ученого в художественной форме описан нами в книге: Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении.— М.: «Московский Парнас», 2017.— 343 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).

временном, глобализующемся) человеке, как субъекте социума, этого вот понятийного мышления, что, в свою очередь, снижает роль исходных когнитивных функций, первоочередно — словесного языка, о чем мы достаточно подробно говорили выше. Точно также можно проанализировать снижение роли других исходных когнитивных функций, но тогда это «грозится» переходом от очерка к научному трактату. Поэтому предоставляем заинтересовавшемуся читателю самому поупражняться, например, связав расчеловечивание с угнетением такой исходной функции очеловечивания как абстрагирование восприятия. Еще занимательнее — с пространственно-временным ориентированием, к чему дадим подсказку из современной (назойливой) рекламы навроде «Запись в первый класс из дома», «А я, внучка, уже побывала в пенсионном фонде... не выходя из дома». И так далее все с тем же лейтмотивом. То есть пространство бытия суживается до пространства дома, его кубатуры, а время становится «безразмерным».

Для людей же образного мышления, то есть с преобладанием работы правого полушария головного мозга над левым, а также амбидекстров (правое \equiv левое), для сравнения процессов очеловечивания и расчеловечивания рекомендуем вспомнить всем известную едва ли не с середины XX века, а может и намного раньше, карикатуру-диаграмму, которой <по крайней мере> в советское время записные шутники «сидячих» профессий любили украшать стены своих рабочих мест. Карикатура эта в левой части показывала эволюцию в картинках: от примитивной обезьяны, еще на четвереньках передвигавшейся, до гордого *homo sapiens* в очках и конторском деловом костюме, вроде как с папкой «На подпись» под мышкой. Далее на этом шарже — от фигуры конторщика в центре и вправо — все в тех же, но зеркальных левой части рисунка, представителях эволюционных предков человека изображен процесс расчеловечивания, завершающийся макакой на четвереньках... Очень образно и *понятийно* для восприятия.

Дав определение сущности расчеловечивания, перейдем к характеристике «инструментария» этого процесса.

♦ Тот, кто впервые прочитал «1984» Оруэлла (речь понятно идет о русском читателе) в год ее первого издания, то есть в 1989-м году, когда термин «глобализация» даже еще на слуху не был, а затем решил заново освежить содержание романа-антиутопии в нынешние времена оно, с холодящим душу восторгом воскликнет, прибегнув для точности определения к «железобетонной логике» латыни: «*Factum certum casus datae legis!*»* Что в вольнолюбивой русской речи означает: «Окститесь, господа-товарищи из числа литературоведческих борзописцев! Ведь Джордж-Эрик Оруэлл-Блэйр в своем якобы антисталинистском, антисоветском, антисоциалистическом и пр. романе — о, великий провидец! — еще семьдесят лет тому назад один к одному до мельчайших подробностей описал наш сегодняшний мир, в котором, увы, уже давно нет ни Иосифа Виссарионовича, ни советский власти, ни даже самого социализма без частной собственности. То есть уже нет социализма в трактовке Маркса, а его трансформации шведского или китайского образцов «идут» по руслу глобализации».

...Согласимся с таким самодостаточно мыслящим читателем и перечитывателем антиутопии Оруэлла с единым, но ни в чем не противоречащим, замечанием: существенным различием в технических возможностях *Старшего Брата* и нынешнего *Великого Глобализатора*, в части средств расчеловечивания. Прогресс-то ведь не стоит на одном месте! А так основа инструментария данного процесса ни на йоту не изменилась со времени написания Оруэллом своей вещей-зловещей книги (С. 81): «*Перед ним, вытеснив О'Брайена, возникло лицо Старшего Брата. Так же, как несколько дней назад, Уинстон вынул из кармана монету и взгляделся. Лицо смотрело*

* Достоверное деяние, подходящее как случай под данный закон (лат.).

на него тяжело, спокойно, отечески — но что за улыбка прячется в черных усах?
Свинцовым погребальным звоном приплыли слова:

ВОЙНА — ЭТО МИР
СВОБОДА — ЭТО РАБСТВО
НЕЗНАНИЕ — СИЛА»

Каково? — Все таково; см. латинский фразеологизм выше. Опять пометка с учетом разницы Оруэлловых и наших сегодняшних времен: тот давний Уинстон вынимает из кармана монету, а нынешний его двойник по части зомби-клона достает из кармана смартфон, водит по его экрану расслабленным, как и его же *facultatis sexualis*,* к примеру, указательным пальчиком и вместо старорежимной монеты высвечивает свой банковский счет в криптовалюте, каждый битговен которой в комбинации цифр виртуально представляет Великого Глобализатора со свинцово-погребально приплывающими словами — см. чуть выше. При этом современный клон Уинстона бесконечно повторяет заклинание на новоязе-ангсоце: «Клик мессенджером по *вайнбергу кацап*, фейсбуком о тэйбл лайкает твиттерский пацан». На лбу же клона кю-ар потер, отсканировав который, мы видим Великого Глобализатора.

...Автор приносит свои извинения читателям: возможно выделенные выше компьютерные американизмы пишутся несколько по-другому. Но поскольку их озвучивание в отечественных СМИ началось совсем недавно, автору же в письменном виде они не попадались, а дикторы произносят их спешно и малоразборчиво на слух, то ему, то есть автору, по фонетической ассоциации они напоминают схожие по звучанию слова из прежнего, доновоязовского русского языка, как-то: первый американизм — ностальгическую по советским временам, до боли родную фамилию своего друга и коллеги по инженерной службе; второй же — еще более родное прозвище русских, то есть козел бородатый, принято у братьев-хохлов.

...Словом, как сочинял свои политизированные ребусы старик Синицкий в бессмертном романе одесских классиков: «Четвертый слог, досуг имея, узнает всяк фамилию...» Вот здесь автор и задумался: а можно ли в наше архиполиткорректное время употреблять самоназвание славного ветхозаветного народа? Кто знает, хотя бы сто лет прошло со времен инспирированных Иудушкой Троицким известных законов: по диалектике Гегеля история движется по спирали, все время возвращаясь к ранее пройденному. Правда, на ином количественно-качественном уровне. Бди, однако!

Впрочем, мы отвлеклись от магистральной темы наших рассуждений; в данном разделе — об инструментах расчеловечивания. Чтобы «закрыть» уже поднятый выше вопрос о таком «языковом инструментарии». Упомянутые ранее два варианта языкового расчеловечивания — разбаланс и сужение — зачастую идут, как шерочка с машерочкой, рука об руку. Например, в Латвии <вроде как?> английский язык полагается вторым государственным. Порошенко же, выступая в Верховной Раде, обращается к референту, прося перевести то или иное слово на мову. При этом, пребывая в США или в Европе, очень даже бойко говорит по-английски. В целом же Украина — современная «классика» языкового разбаланса. Это с учетом, что нынешняя, галицийская мова совсем не то малороссийское наречие, на котором говорил и писал Тарас Шевченко. То есть его времен «яка же гарна дивчина», понятная русскому человеку без какого-либо перевода, сейчас произносится как «яка же файна кобета»; последнее слово — польское, а «файна» — немецкого корня через идиш. Этот искусственный язык был инспирирован еще в самом начале прошлого века националистами австро-венгерской «ориентации».

Не подлежит сомнению, что оба варианта языкового расчеловечивания сейчас на

* Половая способность (лат.)

99 % есть отображение в ныне самостоятельных государствах ненависти к России, ее имперскому — при царях и генсеках — прошлому. И переход Молдавии, Азербайджана, Узбекистана (даже наши волжские татары в девяностых годах дебатировали о том же...), а теперь и Казахстана с кириллицы на латинский алфавит — все в немалой степени оттуда же, но с поправкой на пантюркизм, планируемый Турцией Великий Туран. Как известно, без малого век тому назад Кемаль Ататюрк в целях «европеизации» своей страны перевел турецкий язык с арабской вязи на латиницу... При этом придерживавших власть в господарствах, эмиратах и ханствах — осколках нашей Великой империи, вовсе не смущает, что азбука Кирилла и Мефодия уникальна в своей универсальности, то есть идеально подходит под фонетический строй не только *всех* (подчеркнем это) славянских языков, но и тюркских, а особенно (!?) — под фонетику японского языка, о существовании которого в Европе времен Кирилла и Мефодия не знали... И переход последних с кириллицы на латиницу (см. тексты на польском и чешском языках) приводит к невообразимой пестроте надчеркиваний над буквами и удлинению слов на четверть и более. Но ведь цель-то достигается: подальше даже от намеков на Россию... и поближе к Турции с ее мечтами о новом тюркском халифате! Словом, по поговоркам: «За мухой и оводом да с топором», или «Из пушки по воробьям».

Кадры из недавнего показа по ТВ: Нурсултан Назорбаев пробует читать латинизированный казахский текст (а инициатор перехода на нее дочка его...) и смеется: дескать, какие-то неприличные слова получаются...

Но все эти алфавитные игры прозрачно понятны. Главное же и во всемирном масштабе напролом рвется языковое сужение до унифицированного американского диалекта английского языка. Здесь следует четко знать разницу между классическим английским с его богатейшими грамматическими и словарными возможностями и «американским», в чем-то подобном языку Элочки-людоедки все из той же классики одесских писателей. Доллар, бизнес, проблема — и еще минимум слов, почти как в пиджин-инглиш (голубинный английский), интернациональном языке матросов торгового флота. Как у Оруэлла формируется англо-новояз: исключить как можно больше существительных, но ведь в прилагательных и глаголах еще больше ненужного?

...Кстати говоря, киевские власти давно бы охотно и верноподданнически перед Западом перевели мову на латинский алфавит, но, к досаде своей, еще на заре самостоятельности и независимости поспешили объявить, что Кирилл и Мефодий вовсе не для болгар и чехов первоначально создали славянский алфавит, но именно для них, для мифологических «укров», а скорее всего эти «укры», а не братья-монахи, сами создали его в трудовых перекурах между выкапыванием ямищи под будущее Черное море... Словом, как Христос ответил на вопрос Понтия Пилата: «Ты сказал». Но у братьев-хохлов пока что ума хватает плевать на укрогалицкий новояз и как прежде говорить на русском, малороссийской мове, суржике и иных койне*. Но надолго ли? — Навалился ведь класс-гегемон языковых глобализаторов!

Итак, все по Оруэллу (С. 53): «...Кряканье за соседним столом продолжалось с прежней быстротой, легко различимое в общем гуле.

— В новоязе есть слово, — сказал Сайм. — Не знаю, известно ли оно вам: «речекряк» — крякающий по-утиному. Одно из тех интересных слов, у которых два противоположных значения. В применении к противнику это ругательство; в применении к тому, с кем вы согласны, — похвала».

...Это ситуация языкового расчеловечивания наших дней. Оба они, Старший Брат Оруэлла и Великий Глобализатор, что у нас «близ есть при дверях», а точнее — уже вломился через окна и печные дымовые проходы (его в дверь, а он в окно...), своим

* От греч. *koine dialectos* (общее наречие), то есть язык, образующийся при смешении нескольких родственных диалектов.

рупором-инструментом одинаково имеют СМИ — сообщество представителей первой древнейшей профессии. Это настолько самоочевидно и понятно всем, что и не стоит мыслию по древу растекаться. Ограничимся лишь несколькими характерными (лучше — характерными) примерами, взятыми, что называется, наугад.

Мало того, что каждую неделю радио и телевидение вводят в некогда «великий и могучий» два-три новых американизма, закрепляя их в памяти слушателей-зрителей кодирующей оговоркой «...как сейчас говорят», они и вроде бы устоявшиеся в русском языке слово «американизируют», например, добавляя по-импортному звучащее окончание слов. Так и сыпятся, вбиваются в память и разговорную практику искаженные слова навроче: банкинг, паркинг, инженеринг (и совсем калька — инжиниринг) и так далее, вплоть до чисто новоязовского шопинга. По своей системной организации мышления люблю коллекционировать не то что эти русско-американизмы, но и ситуации их *первого* введения в практику. Здесь изумрудом первой величины <на сегодняшний день> считаю неологизм-американизм «прицепинг». Так веселая постоянная ведущая ежедневной утренней забалтывающей программы на главном канале Радио России несколько лет тому назад фактотум назвала старинное, всем нам по детству знакомое хулиганство: езда на «колбасе» трамвая, а с массовым появлением роликовых коньков — езда на оных, зацепившись рукой за какой-либо удобный крюк на кормовой стенке движущегося общественного (сейчас и частного по преимуществу) транспортного средства. Так это невинное, опасное вообще-то, детское «прицепление» получило языковой статус «занятие прицепингом». Каково звучит, а? — Все одно, что заниматься чем-то полезным...

Кстати говоря, чем больше социум превращается из творческого и производительного в классическое общество потребления, тем уважительнее в языковой практике начинают именоваться самые непрестижные когда-то человеческие занятия. Например, в советское время к таким относилась торговля. Занимающейся ей человек, обычно женского сословия, с легким презрением звался барыгой, торгашом или торговкой. В нынешнем обществе всеобщего потребления словесный статус этого занятия поднялся неизмеримо высоко: про торгаша, теперь уже мужика или женщину на паритетных правах, продающего, например, холодильники, уже уважительно говорят, что-де мой сосед по лестничной площадке *занимается холодильниками!* Ни много и ни мало. Звучит в той же тональности и семантике, что и занимается ракетостроением... И вообще — сейчас не торгуют, но *занимаются продажами*.

И еще из классики новояза: пресловутые 3-D (три дэ) цацки: от принтеров до челюстно-лицевой хирургии и — бери куда выше. Эта аббревиатура «из американского» по-английски расшифровывается как *three dimensional*, что имеет аутентичный перевод на русский, абсолютно понятный даже таджикскому гастарбайтеру (а это уже германизм в нашем новоязе): трехмерный, то есть объемный, пространственный. Но ведь как-то обидно изъясняться чисто по-русски — см. смесь французского с нижегородским у нашего классика! — вот и щеголяет этим «три дэ» вся 1/7 (ранее 1/6) часть земной суши: от дикторов радиотелевидения до маститых академических мужей... впрочем, все на том же РТВ, и высоких чиновных персон.

...Опять же как-то не попадались на глаза тексты с этим «три дэ» — как там они литерами изображаются?

Все это смешно, если бы не было грустным. Ведь это не просто обезьянничество *made in*, но разрушение языка, а значит логики мышления и самого мышления (см. выше). Вспомнил к случаю: в отроческо-юношеские годы, перечитав в <достаточно богатой> районной библиотеке <ныне> Города воинской славы Полярного всю русскую и западно-европейскую классику, взялся за литературу европейских же союзных республик. Особенно нравились латышские классики Андрей Упит и Вилис Те-

нисович Лацис. Вот у кого-то из них, кажется у первого из упомянутых выше, описано, как рижские франты из магазинных приказчиков (время действия — первая треть XX века) вместо «пардон» щеголяли словечком «*фардон*», ибо в латышском языке отсутствует фонема «эф»... Извиняюсь, написал и вспомнил: это из романа «Времена землемеров» основоположников латышской литературы братьев Каудзит.

О современном «рашенском новоязе» можно бесконечно писать и язвить, но... опять же грустно. Наскучат пояснения о «прицепинге» на всероссийском радио, переключаешь приемник на местное радио: так сказать, поближе к земле, к деревенскому навозцу, к родной, неискаженной речи... Не тут-то было! Как раз на том местном радио молодая (по голосу и умственному развитию) корреспондентша, или как там у них называется, интервьюирует пожилую (все по тем же показателям, см. выше, определяется), многоопытную директоршу вновь открытого в городе военно-исторического музея. И снова грустно: молодая вворачивает что-то насчет «*квинты* военного солдатского пайка». Ей-то по возрасту простительно, но и многоумудренная директорша старается показать, что «новоязу знает»: за одну минуту трижды доложила «о «*квестах*» в нашей работе к празднику 9-го Мая!» Грустно, девушки-женщины, грустно. Кстати, хотя бы по контексту туманно понял смысл слова «квест», но «квинта пайка» так и осталась для меня семантическим обнулением.

Но вот кто животным инстинктивным чутьем понял идиотизм новой наробразовской «новации» — изучение сразу двух иностранных языков, начиная с первого класса школы, естественно, по образцу *made in*, — так это матери малосчастливых ребятишек: значит, порешили они, вообще ни одного языка, включая русский, знать не будут! Хотя бы эта здравая мысль и не трансформировалась у них через сугубо матримонимальное: два языка — это две училки, что требуют настойчивого внимания, опять же два репетитора и так далее — все в двойном накладе. А мужик в семье работающий только один, дома его и не видно, почти полные сутки деньги для своих домочадцев зарабатывает! Даже любовница его Клавка порой с бутылочкой Маргини придет, жалуется, дескать, совсем твой Петька с работой замотался, ко мне глаз не кажет. Выпьют подружки, пожалуются друг дружке, поплачут — и вроде легче: кризис, мол, в стране и в мире, а тут еще два языка...

Кстати о любовницах. Сейчас, когда Россию супостаты обложили как медведя (он же сейчас и неофициальный символ страны) со всех сторон, иностранные языки и вовсе без какой-либо надобности. А при чем тут любовницы? — А просто вспомнил до боли родной советско-тоталитарный анекдот, где американец, француз и русский в пивной хвастаются: у кого больше автомобилей. Получается, что у каждого интуриста их не менее трех: один — на работу ездить, второй — к любовнице, а на третьем по загранкам шастать. И наш Ваня не растерялся: нет у меня авто и не нужен он мне. На завод свой на трамвае подкатываю. Любовница Нюрка в соседнем подъезде квартирует, а за границу я привык на казенном танке выезжать!

...Самый ненавистный лично мне американизм, хотя бы и в переводной кальке — «дорожная карта». Еще — «перезагрузка».

Симптоматично, что сейчас никого не озадачит фраза навроде «знаешь ли ты язык?» Понятно и так: речь идет об американском диалекте английского языка...

◆ Пусть читатель не негодует: что мы это все к языку прицепились? Ответим: по двум причинам; первая — задатчиком темы очерка является сугубо литературное художественное произведение; вторая — с чего мы и начали: язык есть логика, мышление и познание. Поэтому уничтожение естественных функций языка есть основной инструмент глобалистского расчеловечивания социума. Яснее и доходчивее не скажешь, хотя бы из всего инструментального набора средств расчеловечивания «языковая диверсия» глобализма чаще всего и встречается в штыки, мол, богатство языка,

в данном случае русского, только возрастает заимствованием из *made in*. Позвольте не согласиться. Язык очень чувствителен к такому, резко ограничивает число их. Вспомним «классику жанра»: что наш язык позаимствовал из такого, казалось бы, грандиозного внедрения чужестранцев в Россию, как Наполеоново нашествие? — А всего-то три слова, причем ругательные: шваль, шантрапа и шаромыжник. Кстати и для заметки в памяти: единственный солидный (в четырех томах) этимологический словарь русского языка немца Фасмера — известно, что лучшими знатоками нашего языка всегда были немцы; только Даль из датчан — происхождение всех этих трех слов трактует *абсолютно неверно*. А наша академическая наука не перестает восхищаться этим словарем! Славны бубны за горами...

Особняком стоит терминология, но она входила в русский язык, начиная с просветительских Петровых времен, естественно и ненавязчиво. Причина такой переимчивости архипонятна: Россия, по сравнению с Западной Европой, очень молодая страна. Да еще все всегда упоминаемые граждане монголы и товарищи татары со своей Золотой Ордой... Словом, мы всегда были в части терминологии учениками Запада, но заметим: за исключением не очень большого числа исторически воспринятых нами немецких, французских и английских (не американских!) слов-терминов, подавляющее их число лишь транслированы через западную науку и прочие виды деятельности из древнегреческого и латыни. То есть здесь все естественно и нормально: действительно, обогащение русского языка за последние триста лет. О компьютерном «птичьем» языке скажем в контексте с виртуализацией социума. Как уже говорилось выше, данный, базовый инструмент расчеловечивания у Оруэлла не фигурирует: техники соответствующей еще не было, равно как и развернутой глобализации.

Глобализация и виртуализация социума едины — это братья-близнецы в зеркальном отображении друг друга. Четко осознавая эту связь, мы сразу несколько книг из упомянутой выше 15-томной монографии посвятили данной теме. К каковым и отсылаем заинтересованного читателя. Из этой же связки растут и ноги — или уши? Но скорее пальцы для клавиатуры и смартфонов — *поколения недолайков*; редчайший случай, когда можно аплодировать СМИ за популяризацию в масс-медиа столь верного и актуального русифицированного американизма!

Виртуализация, повторимся, есть базовый инструмент расчеловечивания, используемый Великим Глобализатором. Здесь человеческий социум превращается в *человеческий*, где каждая особь — бывший *homo sapiens* — сидит в своей крохотной ячейке, общаясь с другими посредством телекоммуникационных сетей. И такому недолайку уже не требуется творческое аналоговое мышление — оно трансформируется в утилитарное цифровое мышление. О том же твердит назойливая реклама: «От слова к цифре», призывающая уже полностью сформировавшееся общество потребления покупать все новые и новые изделия-гэджики китайской фабрикации, разрабатываемые в Силиконовой долине, шт. Калифорния, США. Если бы дело ограничивалось этими игрушками, впрочем, для всех возрастных групп грядущих недолайков? Но уже провозглашены программы перехода к «цифровой экономике» с пояснением: чтобы не отстать от мировых тенденций, которые задает и которыми умело управляет Великий Глобализатор. Благо технические, точнее — технологические, исполнители у него способные: лучшие выпускники Гарварда, Кембриджа и Массачусетского технологического института. Да еще собранные со всего мира «на высокий оклад содержания» узкоспециальные в указанном деле профессора и инженеры. И из России все мобильные, в смысле охочие до долларов и перемене мест, спецы перебрались под крылышко Великого Глобализатора.

Итак, виртуализация социума есть инструмент расчеловечивания для достижения сразу двух целей глобализации: превращение этого социума в сугубо индивидуали-

стический человек и трансформация аналогового творческого мышления *homo sapiens* в утилитарное цифровое у безликих «единиц» человека. Мы сейчас имеем сомнительную часть присутствовать при резком, почти экспоненциальном взлете процесса виртуализации.

♦ Если Оруэлл в «1984», как уже говорилось выше, только догадывался о грядущей виртуализации социума, то такой инструмент расчеловечивания как <назовем его так для всеобъемлющей краткости> *Недремлющее Око* во всей его полноте и холодающей душу красоте расписан в романе. «*Старший Брат смотрит на тебя*» (С. 192—193). Здесь можно цитировать не то что страницами, но десятками оных — и восхищаться писателем-провидцем: все им сказанное уже сбылось! Сотни и тысячи видеокамер отслеживают простого работягу Федьку, равно как торгаша-«средне-классца» Парамоныча, средней же руки чиновника Сан-Саныча, домохозяйку Элеонору Павловну и проститутку Натали в ее законный трудовой выходной, как только они вышли из подъезда своего дома и направились по своим малоответственным делам.* Коль скоро по принципу тусовки (у Петьки машина есть, значит и у меня должна иметься) все обыватели, как СМИ именуют бывшего «непростого советского человека», пересели на авто дешевой калужской и иной отверточной сборки, то вездесущие видеокамеры фиксируют их по всему маршруту движения, фиксируя номерные знаки в привязке ко времени и месту... И объяснение вроде как понятное: для вашей же, граждане обыватели, безопасности и спокойствия.

И телевизионное Недремлющее Око в обратной, так сказать, перспективе следит за обывателем, направляя его мышление, все более становящееся утилитарно-цифровым, недолайкиновым, индоктринированным, говоря термином науки психологии. И следит архиуспешно, в обратной связи фиксируя: куется новый расчеловеченный обыватель-потребитель! Еще немного, еще чуть-чуть и сравняем его с уже давно расчеловеченным субъектом западного образца, того же американца, так живописно обрисованного Мишей Задорновым — светлая память ему... И нашим подуставшим коммунистам неча пенять на «партию и правительство»; глобализм потому так и называется, что он сейчас единственный весь земной шарик крутит. У него для всех одно правительство — Тайное <до поры, до времени> мировое, одна партия — власть олигархата с переименованным Марковым девизом: «Олигархи всех стран давно соединились в одном змеином клубке!»

...И коль скоро в полном боевом действии инструмент виртуализации, то все нынешние и будущие обыватели-недолайкины давно разучились писать «от руки»... Здесь слегка и временно свернем чуть в сторону. Наблюдательный по жизни человек наверняка подметил: сейчас от руки, причем перьевой ручкой, пишут исключительно врачи и милицееко-полицейские чины. Меня это давно занимало, но отгадку подсказывал знакомый и опытный все по той же жизни врач: «...Вот сидишь ты по кляузному делу перед следователем, что дал для ознакомления из заведенного *дела* лист, тобою же написанный перьевой ручкой и содержащий халтурный <с похмелья был или с ночного дежурства> диагноз, эпикриз и пр. Просишь, изображая душевные терзания и волнения, у следователя водички для успокоения, а рука твоя блудливая затряслась и — залил неприятный лист, чернила тотчас расплзлись. Это уже не улика, а черт-те что, учитывая, что у лекарей и без того почерк нервный и малочитаемый...»

Обрадовался разрешению загадки, а знакомцев из «ментов» уже и расспрашивать не надо: и их порой следователи допрашивают, грозя «красной зоной» в Нижнем Тагиле и суя под нос написанный провинившимся перьевой ручкой протокол с досадными упущениями и инсинуациями.

* Здесь наша страна почти весь Запад обогнала: в той же Австрии установка видеокамер в общественных местах законодательно запрещена — считается вмешательством в личную жизнь человека...

Однако — к делу уже нашему. Не все у нас в стране, во всем глобализующемся мире, конечно, служат Гиппократу и министру внутренних дел. Вот все эти остальные давно забыли как пользоваться не то что перьевой ручкой, но и шариковой, а всю жмут пальцами на клавиатуры «компов» или ими же елозят по экранам гэдживков-смартфонов. А все они подключены к телекоммуникационным сетям. Далее и объяснять наивно и смешно: смотри почти ежедневные скандалы со считыванием данных, сообщений и пр., что смакуют СМИ. Есть где разгуляться Недремлющему Оку!

Естественен вопрос: как соотносится расчеловечивание и тотально-глобальный контроль за каждым шагом и словом индивидуума, песчинки малой человекости? — Так прямо и соотносится: постоянная слежка, «промывание мозгов» (кондиционирование все по той же психологии), навязчивое направление мышления, то есть индоктринирование, — это в тщательно срежиссированной Великим Глобализатором и его племянником Недремлющим Оком параллельно-последовательной совокупности создает эффект «антивзросления», когда умственное развитие субъекта расчеловечивания искусственно останавливается на минимально-достаточном уровне. Уровень этот Великим Глобализатором определен как соответствующий функциям робота Молоха глобализации. ...Сразу вспоминается программа «образования» для оstarбайтеров по Гитлеру — Розенбергу: умение считать до ста, читать карту и что-то еще по минимуму.

...Любое животное, человек естественный в том числе, старается, чтобы его потомство поскорее взросло, «становилось на крыло», чтобы всю жизнь не наблюдать за ним, опекать и пр. Инструмент же тотального, абсолютного контроля за каждым субъектом человекости суть его расчеловечивание уже на биологическом уровне. А коль скоро человек — это животное не только мыслящее, но и самоосознающее свое мышление (по Джулиану Хаксли), то его расчеловечивание на естественном биологическом уровне предполагает утрату многих важных аспектов этого самоосознания. Словом — назад <в мышлении> к примату! Смотри описанную выше диаграмму-карикатуру на расчеловечивание.

Кстати, в состав данного инструмента расчеловечивания непременно входит... всеобщее доносительство Старшему Брату, он же Великий Глобализатор. Здесь мы, люди русские, еще сопротивляемся в следовании Западу, поскольку живы в нас фенотипически закрепившиеся нормы православной этики и морали; в данном случае доносительство осуждается словами Христа, адресованных тем, кто считает себя без греха. Но, повторимся, русские и Россия непозволительно молоды по сравнению с Западом — Востоком, а молодости свойственно такое эмоциональное словоблудие — крестное «бóно» доносительства. Поэтому не только словом Христовым, отрицающим личностную безгреховность и предательство Иуды Искарриота, но и жесткими мерами молодую Россию умные правители веками отучали от порока доносительства. ...Академик Янин, первооткрыватель новгородских берестяных грамот, изучив их, пришел в полное изумление: почти все эти грамоты являлись жалобами-доносами (!?) Вот она — молодость нации. Отсюда и устоявшаяся при великих князьях и царях, первых императорах тож, норма судопроизводства: доносчику первый кнут.

В тридцатых годах советский народ, обрадовавшись всеобщей грамотности, сам себя наказал за страсть к доносам, но во вторую половину прошлого века забаву эту разумно обнулil. Сейчас она, поощряемая СМИ, вновь разбушевалась, но только на гэдживковом уже, так сказать аппаратном, уровне: рекомендовано без конца снимать всякие автомобильно-дорожные дела и фотки слать куда следует. ...Ничему народ не учится в истории: ведь и во времена наркома Ежова доносительство аттестовалось как «активная позиция неравнодушных граждан». Впрочем, история идет по Гегелевой спирали — вот и добралась до времен Великого Глобализатора.

◆ Можно долго и обстоятельно рассматривать другие инструменты расчеловечивания. Читатель без труда сообразится с этим. Важнее четко определить цель и задачи глобализма в процессе расчеловечивания. Главное — не голословно. Хотя... это голословие не следует путать с логическим выводом. Для примера: отмена кальсон, сапог, портянок и петлиц как символов <советского имперского> тоталитаризма. К какой смысловой категории относится это утверждение? — Явно к логическому выводу, хотя по форме смотрится вроде как голословие. Да еще с таким язвительным подтекстом. Точно также и в обсуждении цели и задач расчеловечивания. Ведь все факторы расчеловечивания, что описаны в антиутопии Оруэлла, дополненные нашим сегодняшним бытием, то есть полная примитивизация языка, сводимого к новоязу англо-соцу, обезьянничество с западно-восточной ориентацией (кто на Нью-Йорк, а кто на Токио...), предельно узкая, как у пчел, трудовая специализация, оцифровывание мышления, переход от творчества к утилитаризму, от производства к оголтелому потребительству, от <широко понимаемого> конструирования к обслуживанию, а что делается с искусством, литературой? — Когда для тех же венгров не «Венгерские рапсодии» Ференца Листа, для румын не «Румынские рапсодии» Джорджа Энеску являются музыкальным контекстом всей их жизни, но ритмы джунглиевой, пещерной «музыкальной культуры», препарированной в Новом Свете; а где христианская мораль? — ...Словом, все эти факторы должны иметь в целенаправленных, возможно и на десятилетия вперед просчитанных на мегакомпьютерах (это вовсе не по части конспирологии!), действиях Великого Глобализатора, оно же Тайное мировое правительство, вполне конкретные цель и задачи. Опять же прошу не упрекать автора очерка в излишней приверженности к конспирологии. Просто напомню еще одно высказывание-алгоритм выдающегося ученого Джулиана Хаксли, кстати, учителя упомянутого выше Конрада Лоренца (яблоко от яблони... но в смысле позитивном), что человек обогнал эволюцию и уже сам управляет ее движением. Таким образом, все действия Великого Глобализатора укладываются в законы эволюции, то есть не противоречат ее естественным законам, но — лишь ускоряют их действие.

Оруэлл в «1984» их не конкретизирует и понятия почему: его антиутопия есть классический роман, а любое литературное художественное произведение подчиняется законам своего жанра. Главное — следует выработанный за тысячелетия — от античной литературы — непреложной установкой: дать читателю свое (субъективное + объективное) художественное видение того или иного аспекта и/или тенденции в движении социума, причем не навязывая (директивно, назойливо и пр.) читателю, как *conditio sine qua non**, своих выводов. На то оно и художественное произведение, то есть рассчитанное на прочтение — восприятие совершенно различными по уровню и, так сказать, акценту мышления людьми, чтобы каждый такой индивид эти выводы домислил в своей субъективности восприятия, то есть сам определил цель и задачи, поставленные автором, но «утаенные в конкретике» им от читателя, но — для вышей пользы последнего.

И еще раз (смотри начало) категорически отринем мнение литературоведов-либералов, что-де «1984» — это художественное представление сталинского СССР. Ибо в год написания и издания романа, то есть 1948-й, западная и вообще мировая читательская аудитория еще не была «заботливо подготовлена» Хрущевым (доклад на XX съезде КПСС) и Солженицыным («Архипелаг ГУЛАГ» и пр. поделки) к очернительному представлению о нашей стране в период ее наибольшего могущества и непрекаемого авторитета в мире. Еще не испекли «не наши повара»** пирожки с ядови-

* Непременное условие (лат.).

** Из черновых набросков А.С. Пушкина к <несостоявшемуся> продолжению «Евгения Онегина»: «Его мы очень тихим знали, когда не наши повара орла двуглавого щипали у Бонапартова костра» (это об Александре I).

той начинкой... То есть книга Оруэлла не «частный» пасквиль на СССР, но именно полувековое прозорливое предчувствие воцарения уже на всей планете Старшего Брата — Великого Глобализатора. Исполать ему! — В смысле Оруэлла.

...Нам же сам Бог велел в настоящем очерке дать определение цели и задач расчеловечивания, основываясь на выдвинутой и обоснованной (см. упомянутый 15-томник) концепции, согласно которой советский социализм был пробным (проверочным, причем проверку выдержал!) ходом эволюции при переходе от капиталистической-империалистической общественно-экономической формации к социально ориентированному социуму. Здесь прав оказался Маркс, а не Ленин,— к такому социуму могут перейти *только все* страны мира. Но прямой революционный переход в нашу эпоху последнего напряжения мощи империализма невозможен. Такой переход может быть осуществлен *только* через «посредника» — этап глобализации, который по разным оценкам будет длиться 80—200 лет. Это тяжелый для человечества этап, но эволюцию «не поправишь». Самое существенное, что к постглобалистскому всемирному социально ориентированному обществу придет уже... расчеловеченный *homo sapiens*. Это совсем не по Марксу, не по Ленину, не по В. И. Вернадскому — создателю ноосферной концепции. Увы, в этом «эволюционирующем» мире за все надо платить, в данном случае — превращением человечества в челоуейник. Еще раз увы...

Именно поэтому нашу концепцию феноменологии ноосферы (а она широко уже известна) никто даже не пробует опровергнуть, ибо против логического ее обоснования ничего не поделаешь, но зато «молча» не принимают, как говорится, ни левые, ни правые, ни «срединные». Сторонников учение Маркса — Ленина (Сталин был величайшим практиком) в этой концепции по понятным причинам не устраивает все; либералов и апологетов капитализма-империализма вовсе не радует хотя и отдаленное, но пришествие социально ориентированного общества с ликвидацией атавизма частнособственничества; наконец, моих научных коллег-ноосферологов настораживает наша интерпретация ноосферного будущего, весьма отличная, во многом противоположная прогнозам академика В. И. Вернадского. Но ведь Владимир Иванович, наш русский, советский гений, *всего лишь абрис* грядущей ноосферы дал с позиции знаний его времени?! Что поделаешь, закон суров, но это закон, как гласит римское право. Тем более — закон эволюции...

Все это подробно изложено в нашей многотомной монографии, а теперь перейдем к цели и задачам расчеловечивания Великим Глобализатором, «держа в уме», что его делами эволюция ведет человечество к социально ориентированному... но, увы, челоуейнику.

♦ А определения кратки: цель расчеловечивания — превращение человеческого социума в челоуейник, то есть роботизированную биомассу, где индивидуальное мышление индоктринируется в коллективное сознание, при этом названная цель реализуется при параллельно-последовательном решении следующих задач: а) оцифровывание индивидуального мышления для включения в утилитарное коллективное сознание; б) мировая власть по типу «200 семей» (это как сейчас «столько-то» кланов — лауреатов журнала «Форбс»), которая к окончанию периода глобализма растворяется, выполнив свою задачу, в собственно структуру-программу «машинного» управления челоуейником с ликвидацией частной собственности; в) полная виртуализация социума → далее челоуейника, где человеческий индивидуум становится придатком всемирной гипертелекоммуникационной сети, подключенным к нужному ее блоку; у нас (см. монографию) это названо «принципом головы профессора Доуэля»; г) сведение идущих от религиозных доктрин, в основном от христианства на Западе, этики и морали к сугубо утилитарным институтам что-то навряде трансформированного эквивалента англиканского пуританства; в нашей терминологии — «принцип морали по вызову»; д) полное уничтожение национальной, расовой, поли-

тической и пр. идентичности (самоидентичности, специфики и пр.); е) профанация института семьи как ячейки социума; ж) «контроль», в смысле резкое сокращение численности населения Земли, в частности, ростом значимости однополых браков; з) минимизация функций языка (см. подробно выше); и) формирование межличностных отношений на основе лицемерия политкорректности, толерантности и пр. запретов на естественные <ранее> нормы эмоциональности человека; к) трансформация войн в карательные экспедиции; л) постепенное ограничение потребительства; м) полный перевод производства материальных благ и «пищевой корзины» на робототехническую и компьютерную автоматизацию.

...И так далее по более частным задачам. Такой расчеловеченный индивидуум представлен у Оруэлла (С. 79): «...Он купит гравюру с церковью св. Климента у датчан, вынет из рамы и унесет под комбинезоном домой. Заставит мистера Чаррингтона вспомнить стишок до конца. И снова мелькнула безумная мысль снять верхнюю комнату. От восторга он секунд на пять забыл об осторожности — вышел на улицу, ограничившись беглым взглядом в окно. И даже начал напевать на самодельный мотив:

*Апельсинчики как мед,
В колокол Сент-Клемент бьет.
И звонит Сент-Мартин:
Отдавай мне фартинг!»*

...И не следует, горестно подперши голову ладонью правой (у левой — левой) руки, жалеть грядущих недолайков человеиника, не получивших взамен ликвидированной частной собственности ни «золотых унитазов» Карла Маркса, ни оптимистических картин ноосферы у академика В.И. Вернадского: «*Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой (выд. В. И. Вернадским.— А.Я.). Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности. И может быть, поколение моей внучки уже приблизится к их расцвету*»*.

...Скоро сказка лишь сказывается. Но до ликвидации атавизма частной собственности еще 80—200 лет, смотри выше, а пока что ее торжество идет по Марксу — помните? — Нет такого преступления, на которое не пойдет капиталист за такой-то процент прибыли и за сколько этих процентов он мать родную удавит. И у нас в отечестве все продолжается скорбный мартиролог невинных жертв оголтелого частнособственничества: «Трансвааль-парк», «Хромая лошадь», недавняя совсем «Зимняя вишня»...

И если пестроцветье «правых», «левых» и всевозможных «центральных» и «либеральных», как уже было сказано выше, глубоко сомневаются в цели глобализации с расчеловечиванием, то ведь в перечисленные их задачи от «а» до «м» и далее по алфавиту в части расчеловечивания успешно, в стахановском темпе выполняются. Здесь и малейшего сомнения у незашоренных СМИ людей отсутствуют: оглянись округ себя?! Все это делается как по накатанной и предельно расчетливо, с холодным цинизмом.— Как у Оруэлла в его романе. И народ понимает: дескать, чему бывать, того не миновать. Добрый наш народ. Про западно-восточный не знаю. Может тоже по-своему добр.

И вовсе не следует жалеть наших потомков, уже начиная с частично расчеловеченных детей. Ввиду ускоренного эволюционного формирования *homo sapiens*, по-

* Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / Предисл. Р. К. Баландина.— М.: Айрис-пресс, 2004.— С. 480.

следний приобрел сверхвыдающееся качество не только чрезпоколенной, но сейчас уже и поколенной адаптации к динамике изменения качеств и норм социума. Если еще два-три века тому назад внук вырастал почти полной копией своего деда, даже отца, в этих качествах и нормах; если в XIX веке — вспомните «Отцов и детей» нашего классика, который в нынешнем году преступил там, в ином мире, свое двухсотлетие, сыновья, пройдя короткий период юношеского «бунтарства», тоже становились психосоциальными клонами своих отцов, то в последней трети (в России — СССР чуть позже) прошлого и начале нынешнего веков «порвалась связь времен». Возникло иное качество: преемственность превратилась в свой антипод, что есть символ начавшегося расчеловечивания. Но и названная адаптация экспоненциально усилилась: отныне каждое новое поколение соотносится с предыдущим как «твоя моя не понимай». Уже и в языковой сфере требуется перевод со все заполняющего новояза на традиционный язык, вплоть до *reductio ad absurdum**.

Но страдательны ли здесь последовательно являющиеся поколения недолайков расчеловеченных? — С позиции нынешних людей старшего и среднестаршего поколений и женщин безвозрастно (речь идет о русских женщинах) — безусловно *да!* А с точки зрения самих <пока еще> формирующихся недолайков? — Нет, ответят они, мы самодовольны и даже счастливы — последние, если у родителей «тугой кошелек». Вот она — сила человеческой адаптации! И через 80—200 лет они войдут в свой <социально ориентированный: мед всем поровну> человек — человек также спокойно и безэмоционально, как все предшествующее человечество со времен неолита, точнее — позднего неолита, входило в осознанную жизнь. Правда, войдут без высших качеств человечности, выработанных эпохой цивилизации культуры. Но — хватит о *явном*, а потому и грустном.

◆ Апология человека. Так мы изначально назвали очередной, шестнадцатый по счету, том упомянутой выше монографии. Выполнил ли человек, главное — будет ли продолжать выполнять, — свою эволюционную миссию в переходный период глобализации и далее в постглобалистском человеке сформировавшейся ноосферы? — Многие умы останавливались (передохнуть то есть) перед ответом на этот вопрос: открыватель синантропа, выдающийся философ-естественник, кстати, член ордена иезуитов Тейяр де Шарден, автор самого термина «ноосфера», введенного им после прослушивания в двадцатых годах в Сорбонне лекций нашего академика В. И. Вернадского; его коллега по прослушиванию и восприятию тех же лекций Леруа; нобелевский лауреат <по литературе...>, философ-естественник Анри Бергсон; конечно, сам создатель учения о ноосфере В. И. Вернадский; главное — великолепные мыслители сугубо уникальной школы русских философов-космистов: Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский, весь «философский пароход» высланных из Новой России Лениным и Троцким; ушедший недавно из жизни наш наставник академик В. П. Казначеев; во многом мой учитель, президент Ноосферной общественной академии наук А. И. Субетто... имен много, но все они сходились *in summa* в одном: человек разумный есть цель и вершина земной биоэволюции. И текущую свою задачу он выполнил и продолжит выполнять сверхзадачу — сверхмысль, как ее определил Пьер Тейяр де Шарден.

Даже превративши социум в человек, а собственно человека в недолайкина, эволюция по своему определению не может остановиться, перейти от динамики в вялотекущую статику: даже макрокосм Вселенной, расширяясь, движется! Это сейчас он презрительно именуемый недолайкиным, но в грядущем расчеловеченном человеке (извините за тавтологию...) он будет выполнять в совершенствовании коллективного разума и реализации все более мощных технологий роль пчелы-работницы ... или трутня, которые пчелиной семье необходимы биологически. И,

* Приведение к нелепости (лат.).

лишившись собственной самодостаточности, как у Оруэлла в его провидческом романе, будет себя чувствовать ничем не хуже, чем мы сейчас в раздраенном мире... Как библейский Иов говорил*:

*Ибо для дерева есть надежда,
Что, и будучи срублено, снова вырастет,
И отрасль от него не прекратится;
Хоть и состарится в земле его корень,
И пень его умирает во прахе,
Оно, почуяв воду, дает отпрыски
И выпускает ветви, как (ново) посаженное.
А муж умирает и теряет всю силу,
Скончался человек — и где он?*

Апология человека — это не есть оправдание (сам термин «апология» в переводе на русский язык), ибо нельзя *оправдывать* саму эволюцию — яйцо курицу не учит! Здесь констатируется факт: человек — вершина биологического развития, но в конце концов он не может до бесконечности развиваться и совершенствоваться как сугубо мыслящий индивид. Это — гибель грядущая. Поэтому за биологической вершиной следует вершина разума — коллективный разум, который возможен, как *ratio essendi* (лат.: основание бытия), только в человеке с расчеловеченными его составляющими. Жестоко звучит, но это закон общей эволюции, гегелевский закон перехода <индивидуального> количества в <всеобъемлющее> качество. И финализм эволюции человека вовсе не есть категория апокалипсическая. И в самом новозаветном Апокалипсисе содержится указание на то: «*И как ты сохранил слово терпения Моего, то и Я сохраню тебя от години искушения, которая придет на всю вселенную, чтоб испытать живущих на земле. Се, гряду скоро; держи что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего. Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон; и напишу на нем имя Бога Моего и имя града Бога Моего, нового Иерусалима, нисходящего с неба от Бога Моего, и имя Мое новое*» (Откровение святого Иоанна Богослова, гл. 3, ст. 10—12).

...Радуйтесь, люди, пока вы человеки суть!

* Рижский М. И.. Книга Иова: Из истории библейского текста.— Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.— С. 46—47.